

— Сяо Си, почему ты опять сидишь тут один? Иди сюда.

Всего четверть часа назад этот знакомый голос прозвучал у него над ухом. В то же мгновение Хэ Бугуй понял: первое испытание предназначено вовсе не для Юй Уцюэ, а для него самого.

Старейшина Сюаньцзи давно покинул этот мир, но образ, сотворенный разумом Хэ Бугуя, ни единой чертой не отличался от покойного учителя. Даже аромат чая, который тот когда-то заваривал, казалось, всё ещё витал на кончиках его пальцев. Учитель звал его с такой лаской, что пусть Хэ Бугуй и признавал отчетливо: всё это лишь иллюзия, — разум его затуманился. Последняя, робкая искра надежды пробудилась в самой глубине души.

«А вдруг Шицзунь действительно просто странствует по миру и теперь наконец вернулся?»

Хэ Бугуй откликнулся на этот зов и протянул руку навстречу Старейшине Сюаньцзи. Пальцы, уже испачканные темной маслянистой грязью, коснулись ладони иллюзии.

Именно эта крохотная надежда и послужила пищей для буйного роста внутреннего демона, сковав его волю и лишив возможности пошевелиться.

— Третий всё ещё совсем кроха, Дун-эр уже на целую голову его перерос.

— Отец-король, не смей называть меня коротышкой!

— Матушка-королева, братишка такой милый, я не хочу, чтобы он уезжал.

— Пожалуйста, давайте не будем его отсылать! Мы сами о нём позаботимся!

— Я не хочу уезжать.

— Матушке тоже тяжело с тобой расставаться, сынок, но мы обязаны уйти. Когда здесь никого не останется, как твой младший брат выживет в одиночку?

— Тогда я не хочу становиться бессмертным! Я останусь с Сяо Си!

— Нельзя.

В его памяти Отец-король сурово оборвал Хэ Наня, а сам Хэ Бугуй сидел посреди этого гомонящего сборища призраков прошлого и тихо вторил родителю:

— Нельзя.

Его собственный шепот слился с эхом отцовского голоса.

Вязкая жижа расплзалась во все стороны, точно побеги уродливого дерева. Чернота уже поднялась выше пояса, полностью скрыв под собой ноги.

Хэ Бугуй ничего не чувствовал. Он лишь с трудом оглянулся назад.

Король журавлей стоял прямо — величественный, суровый, с мужественным лицом, на котором едва заметно играла теплая улыбка. Рядом опустилась на колени Королева журавлей в своем пышном парадном оперении. Она махала ему рукой, зазывая к себе.

Это был день, когда он только принял человеческий облик и едва научился ходить.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как споткнулся и покатился по траве. Матушка еще не успела протянуть к нему руки, а Хэ Нань уже подбежал, бережно подхватил братишку и прижал к груди, сокрушаясь от жалости:

— Ручки-ножки совсем тоненькие, не дай бог расшибешься!

— Братик, обними меня.

— Не спеши, наш Сяо Си. Тебе совсем не нужно торопиться. Расти медленно, а я подожду.

— Хорошо.

Всего лишь обрывки давно минувших дней. Но Хэ Бугуй помнил их до мельчайших подробностей: каждую улыбку, каждый взгляд. Облик его братьев, отца и матери не стерся из памяти ни на йоту. Вот только они ушли прежде, чем он успел вырасти. Так и не дождались.

— Матушка, когда ты придешь навестить меня?

Никто не ответил.

— Я ведь больше никогда не вернусь домой, верно? — снова спросил Хэ Бугуй.

Наконец он посмотрел на Старейшину Сюаньцзи. Он до сих пор помнил день, когда учитель уходил: небрежно закинув за шею свою метелку, такой же легкий и независимый, как всегда. Он ушел непринужденно, спускаясь с горы.

Фигура учителя становилась всё меньше, пока совсем не скрылась из виду. Хэ Бугуй стоял на вершине утеса и смотрел ему вслед, пока обида внутри него не переросла в горькое детское

уныние. Но даже если бы он высказал всё тогда, его бы уже никто не услышал.

— Шицзунь, неужели ты меня бросил?

Юй Уцюэ не видел чужих воспоминаний. Он не понимал, что это за глиняные фигурки облепили его наставника. Всё, что предстало его взору, — это как Хэ Бугуй, точно безумный, растерянно бормочет что-то невпопад, разговаривая сам с собой. И по мере того как бушевали эмоции учителя, черная жижа поглощала его всё стремительнее.

Грязь полностью окутала Хэ Бугуя, покрыв камень, на котором тот сидел, корни и траву вокруг. Всё это медленно превращалось в склизкую маслянистую массу. Вязкий кокон, соткавшийся из этой грязи, плотно сжал свое ядро — самого Хэ Бугуя, сляпав срастить его с бездушными валунами и деревьями. В тот момент, когда превращение почти завершилось, жижа вернула свой первоначальный вид: камни вновь стали камнями, ветви — ветвями, а белые одежды Хэ Бугуя, почернев у самых корней, бесследно слились с пожухлой травой. Сам он превратился в каменное изваяние.

Всё произошло слишком быстро. У Юй Уцюэ мороз пошел по коже. Мгновение назад он не решился нанести удар мечом, а теперь его учитель наполовину обратился в камень. Не теряя больше ни секунды, юноша взмахнул клинком и обрушил удар на глиняных истуканов.

Но у этих созданий не было плоти. Сколько бы Юй Уцюэ ни вонзал в них сталь, клинок лишь рассекал пустоту. Его атаки не причиняли им вреда. А тем временем черная жижа уже подползла к шее наставника, плотно пеленающая его безупречно белую кожу, пока снаружи не остались лишь полные невыразимой тоски и растерянности глаза.

Хэ Бугуй сидел неподвижно, опустив веки. Лицо его было безмятежным. Как бы Юй Уцюэ ни рубил воздух вокруг, как бы безумно ни кричал, зовя его, учитель не отзывался. Жизнь стремительно покидала его тело, оставляя лишь холодное безразличие.

Грязь залила рот и нос, проникая внутрь Хэ Бугуя. Его взгляд в одно мгновение подернулся серой пеленой смерти.

— Шицзунь!

Юй Уцюэ вскинул руку, и тончайшая марионеточная нить вонзилась прямо в межбровье Хэ Бугуя.

Он надеялся силой подчинить себе разум наставника, чтобы вырвать его из плена иллюзий. Но Хэ Бугуй был могущественным Бессмертным, высшим духовным практиком — разве мог слабый Юй Уцюэ с его ничтожным духовным развитием пробить барьер чужого сознания?

— Шицзунь! Шицзунь, очнитесь же!

Половина лица Хэ Бугуя уже покрылась древесной корой. Черная жижа хлынула выше макушки, застывая подобием уродливых ветвей. Юй Уцюэ рванулся вперед, пытаясь ухватить его за плечи, но увидел, как последний живой огонек в глазах наставника окончательно угас.

— Хэ Бугуй!

Вдруг тонкая золотая вспышка с тихим звоном полоснула по воздуху. Юй Уцюэ покачнулся.

Собственные марионеточные нити ворвались в его разум.

Мир перед глазами исказился и поплыл. В то же мгновение его тело сковала парализующая слабость. Дышать стало невыносимо трудно; в горле застряло что-то склизкое, проникающее всё глубже внутрь. Запах сырой земли и гниющей травы забил ноздри, вызывая мучительные позывы к рвоте.

Его учитель вовсе не превращался в дерево. Хэ Бугуй по-прежнему мирно сидел на огромном валуне. А вот сам Юй Уцюэ, скорчившись, лежал у его ног, судорожно цепляясь за подол его белоснежного халата — точь-в-точь как те глиняные фигурки. Он весь был покрыт липкой черной жижей, а его ноги уже успели срастись с древесными корнями. Если бы не марионеточная нить, вовремя пробудившая его сознание, он бы и сам не заметил, как оказался заживо погребенным в этой лесной чаще.

— Соберись. Сосредоточься и уelmi дух, — раздался над ним холодный, но отчетливый голос наставника.

От самого сердца Хэ Бугуя тянулась золотая нить, удерживающая Юй Уцюэ.

— Тебя поглотил собственный внутренний демон. Юй Уцюэ, посмотри на меня.

— Но...

Стоило ему разомкнуть губы, как желудок скрутило спазмом. Юй Уцюэ судорожно зашелся кашлем, его рвало этой мерзкой черной грязью. Лицо его пошло багровыми пятнами; он кашлял так яростно, словно силился выплюнуть собственные внутренности.

— Но ведь... Шицзунь... вы же только что сказали, что у меня нет... кхм... внутренних демонов? Ох...

Хэ Бугуй и сам недоумевал. Юй Уцюэ шел по этому лесу совершенно спокойно, не выказывая никаких признаков беспокойства. Почему же стоило ему увидеть наставника, как он мгновенно провалился в бездну собственного разума?

Причем провалился столь глубоко и стремительно, что если бы Хэ Бугуй не задействовал силу своего золотого ядра, чтобы встряхнуть его душу, юношу бы уже затянуло в топь.

— Что именно ты увидел? — спросил Хэ Бугуй.

— Мне показалось... — Юй Уцюэ до сих пор мелко дрожал от пережитого страха. — Мне показалось, что вы превратились в дерево. Что вы... кхм... умерли, лишившись последних сил...

Хэ Бугуй на мгновение замер.

— Из-за меня?

— Да...

Глиняные фигурки никуда не делись. Они всё так же цеплялись за одежды Хэ Бугуя, но больше не росли. Юй Уцюэ, бледный как полотно, с трудом подобрал с земли свой меч, опираясь на него как на костыль.

— Как нам уничтожить эту дрянь?

Хэ Бугуй нахмурился:

— Твой дух еще не окреп. Не делай резких движений. Успокой разум.

— Да как я могу быть спокойным! — в отчаянии воскликнул юноша.

— Со мной всё в порядке.

Видя, как тот мечется от страха, подпитывая своими эмоциями коварный морок, Хэ Бугуй окончательно понял природу его страхов.

— Я здесь, перед тобой. Живой. И ничего со мной не случится, — мягко, но твердо произнес он.

Юй Уцюэ посмотрел на него, всё ещё сомневаясь, не является ли и этот образ очередной уловкой лесного демона.

— Юй Уцюэ, — терпеливо повторил Хэ Бугуй. — Сядь, начни медитировать и читай сутры. Слушай меня.

Только тогда юноша наконец опустился на землю. Он закрыл глаза и принялся мысленно

повторять священные тексты, силясь изгнать из памяти тот жуткий образ каменеющего, умирающего учителя.

Связывающая их золотая нить задрожала. Хэ Бугуй тоже заговорил — его чистый, отрешенный голос эхом зазвучал прямо в духовных каналах Юй Уцюэ, ведя за собой, умирняя страх и возвращая покой.

Когда юноша снова открыл глаза, тошнота отступила. Черная грязь на его теле бесследно впиталась в землю.

Однако пять глиняных фигурок вокруг Хэ Бугуя по-прежнему не выпускали его одежд. Они замерли на полпути, а из груди Хэ Бугуя слабо струился золотистый свет — его духовные нити переплелись, образовав защитный барьер, удерживающий одну связь с Юй Уцюэ и ограждающий наставника от внешнего мира.

Убедившись, что его ученику стало легче, Хэ Бугуй негромко произнес:

— Дорога познания себя безжалостна. Твои желания, привязанности, сожаления и бывшие обиды разрастаются до невиданных размеров. Они обретают плоть и затягивают обратно в пучину мирской суеты, мешая двигаться вперед. Этот лес кажется тихим, но его насквозь пронизывает магический поток древнего заклęcia. Каждое дерево, каждая травинка и камень здесь — это те, кто когда-то пытался подняться на гору, но оступился.

Юй Уцюэ удивленно огляделся по сторонам, и по его спине пробежал холодок:

— Так вот почему здесь так беспокойно дышит духовная энергия... Они застряли здесь навсегда? Но они ведь живы?

Лес вокруг шелестел листвой, полной скрытой, жуткой жизни.

Хэ Бугуй кивнул:

— Душа еще теплится в их телах. Но людьми их больше не назвать.

В мире смертных поговаривали, что в монастыре Безмерности царят жестокие порядки, а провинившиеся заклинатели, поднявшись на эту гору, исчезают без следа. Лишь теперь, оказавшись здесь, они поняли истинную причину: большинство паломников попросту не могли преодолеть преграду в собственном сердце.

Даже сам Хэ Бугуй едва не поддался этому искушению.

Юй Уцюэ сделал шаг вперед, намереваясь помочь ему подняться:

— Шицзунь, давайте поскорее уйдем отсюда.

— Не прикасайся ко мне, — Хэ Бугуй качнул головой, жестом веля ему отступить. — Твой демон изгнан, но с моим так просто не совладать. С этим я должен разобраться сам.

— Но что вас так гложет? — Юй Уцюэ растерянно заметался на месте. — Эти глиняные фигурки... это ваши неисполненные желания?

— Те, кого я больше никогда не смогу увидеть. Моя вечная привязанность.

Юй Уцюэ искренне удивился:

— Но ведь я слышал, как вы звали своего шифу. Разве он не отправился странствовать по свету? Почему вы говорите, что никогда его не увидите?

Хэ Бугуй явно не желал углубляться в расспросы:

— Просто не увижу. И всё.

— Но если вы тоскуете по нему, почему бы не отправиться на поиски? — горячо возразил юноша. — Найти человека в подлунном мире не так уж сложно!

— Его больше нет.

— Вы пробовали искать? Давайте закончим наши дела здесь, и я отправлюсь вместе с вами. Мы обыщем каждый уголок! Если вы хотите его увидеть — вы его увидите.

— Не нужно. Его не найти.

"Упрямый как осел. Всё держит в себе, не желая вымолвить и слова, а сам загнал себя в тупик", — подумал Юй Уцюэ с невольной нежностью и состраданием.

Он опустил на корточки прямо перед Хэ Бугуем, заглядывая в его затуманенный тоской взор:

— Почему вы решили, что его не найти? Вы ведь взяли меня в ученики, Шицзунь. Разве вы не должны представить меня своему шифу? Мы пойдем вместе. Если вы тоскуете по нему, просто признайте это.

— Юй Уцюэ, иногда люди говорят то, во что мне очень хочется верить, — тихо отозвался Хэ Бугуй. — И я позволяю себе обманываться.

Юй Уцюэ на мгновение задумался, пристально вглядываясь в лицо наставника:

— Обманываться? Значит... ваш учитель вовсе не уходил странствовать?

Хэ Бугуй помрачнел:

— Он сам мне так сказал.

Глиняные фигурки у его ног шевельнулись. Юй Уцюэ заметил это движение и, мягко улыбнувшись, осторожно перехватил холодную ладонь Хэ Бугуя, лежавшую у того на коленях. Он бережно сжал её в своих руках, стараясь держаться подальше от черной жижи.

— Расскажите мне, Шицзунь. Я выслушаю. Старейшина Сюаньцзи сказал, что уходит странствовать, а что было потом?

— А потом... — едва слышно прошептал Хэ Бугуй.

Поначалу он действительно верил. Старейшина Сюаньцзи отличался легким, ветреным нравом, а его великое духовное мастерство позволяло ему безбоязненно путешествовать по всему свету, помогая страждущим. Перед уходом он улыбнулся и сказал:

— Сяо Си, стереги наш дом. Как соскучусь — обязательно навещу. А если встречу по дороге что-нибудь диковинное или вкусное, пришлю тебе весточку. Будешь знать, что твой Шицзунь всегда помнит о тебе.

И посылки действительно приходили. То кувшин выдержанного вина, то редкий ледяной цветок с заснеженных вершин, окутанный защитной магией, чтобы не увял раньше времени. Множество диковинных вещей, забавных безделушек, которыми обычно радуют детей... Вот только сам отправитель так и не возвращался.

В письмах Старейшина Сюаньцзи неизменно писал:

«В подлунном мире сейчас беспокойно, твоему Шицзуню нужно позаботиться о людях. Но где бы я ни был, я всегда помню о тебе. Сяо Си, не грусти».

Но чем чаще приходили эти письма, тем сильнее Хэ Бугуй тосковал по дому. Он отправлял ответные послания, умоляя Шицзуня вернуться, но тот оставался глух к его просьбам. А со временем весточки стали приходить всё реже, путаясь в словах, пока посылки не прекратились вовсе. Тогда Хэ Бугуй почувал неладное.

Он отправился по тем местам, откуда приходили дары. Но владельцы лавок лишь развели руками: много лет назад один благородный господин заплатил им на годы вперед, велел

отправлять посылки через равные промежутки времени. Даже письма были написаны им заранее — целая стопка аккуратных конвертов. Но ничто в этом мире не вечно: вино закончилось, старые лавки закрылись, да и заготовленные письма рано или поздно должны были иссякнуть.

— Значит, ваш шифу не просто не хотел возвращаться... Он не мог этого сделать, — тихо произнес Юй Уцюэ.

— Да.

— Он солгал вам, потому что не хотел ранить ваше сердце, — продолжил юноша. — И вы ведь давно это поняли.

Хэ Бугуй печально опустил голову:

— Он знал, что его земной срок подходит к концу, и не хотел, чтобы я видел его угасание. Потому и ушел из Дворца Небесного Предела под предлогом странствий. За все эти годы в небесах так и не вспыхнуло знамение его вознесения. Должно быть... его уже давно нет в живых.

— И вы злитесь на него за эту ложь?

Хэ Бугуй перевел взгляд на одну из глиняных фигурок и горько отвернулся. Юй Уцюэ негромко закончил за него:

— Вы злитесь на самого себя. За то, что не остались с ним до самого конца. За то, что он не позволил вам проводить его в последний путь.

— На самого себя, — глухо повторил Хэ Бугуй. — Моя судьба — вечное одиночество. Все, кто мне дорог, всю жизнь тревожились обо мне, а после один за другим покинули этот мир. И я не смог удержать никого.

— Старейшины моего рода давным-давно предсказали мою судьбу. Мне суждено расплачиваться за чужие грехи. Люди считают земное существование с его восемью муками невыносимым, но их страдания длятся лишь одну короткую жизнь. Мне же суждено проживать эту нескончаемую боль веками, отдавая долг судьбе.

— Мои собратья тоже уйдут, — Хэ Бугуй мягко высвободил свою руку из ладоней Юй Уцюэ. — И ты уйдешь. Рано или поздно наступит день, когда я снова останусь один.

Юй Уцюэ молчал.

Он наконец понял. Истинной причиной страданий Бессмертного Тайвэя был панический, глубоко запрятанный страх потери. За этой маской холодного величия и неприступности скрывалась хрупкая, израненная душа, терзаемая неизбежностью одиночества. Юноша никогда не знал истинного горя потери, его жизнь была слишком проста, а единственным его мимолетным кошмаром до сего дня оставались лишь внезапные обмороки наставника. Но порой самые сложные узлы нужно разрубать простыми словами.

Если ты боишься потерять — я докажу тебе, что этого не случится.

Если ты боишься моего ухода — я прямо сейчас пообещаю тебе остаться.

Юй Уцюэ снова поймал его руку, крепко переплетая пальцы:

— Я никогда не уйду тайно, Шицзунь. Что бы ни случилось, куда бы ни занесла меня судьба, я всегда буду говорить вам об этом. Без вашего ведома я не сделаю ни шагу. Если позволите, я всегда буду рядом с вами. Договорились?

<http://bllate.org/book/20165/2215009>